

УДК 316.259(477)

Е. Я. Прохоренко

ст. преподаватель, кафедра социологии, Институт социальных наук,
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одеса-58, 65058, Украина
Тел.: 8 (0482) 68-60-92

СУБКУЛЬТУРА МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ — КАК СПОСОБ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В современном обществе нормы социализации трансформируются. Утрачивается или претерпевает коренные изменения общественный идеал, что ведет к обновлению идеального типа личности, как примера для всеобщего подражания, или деформации такого образца. Пересматриваются нормы жизнедеятельности людей, что определяет новые условия и механизмы социализации, становление новых социальных типов личности.

Ключевые слова: социализация, субкультура, молодежные сообщества, коммуникативная система, киберкультура.

Проблема социализации личности является одной из основных в социологии, изучающей установленные и действующие в обществе механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению, соотношение процессов и институтов социализации. Специфика социологического анализа социализации состоит в выделении социально типического в многообразных процессах интеграции индивидов в общество. Особенность социологического изучения социализации личности связана с двойственностью объекта исследования “личность-общество”. Термин “социализация” используется в социологии для описания процесса, в ходе которого люди обучаются соблюдению социальных норм, процесса, делающего возможным существование общества и передачу его культуры от поколения к поколению. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер рассматривают этот процесс двояко. Во-первых, “социализация может пониматься как интернализация социальных норм: социальные правила становятся внутренними для индивида в том смысле, что они более не навязываются посредством внешней регуляции, а как бы налагаются индивидом самим на себя, являясь, таким образом, частью его “Я”. Так у индивида вырабатывается чувство потребности соответствия социальным нормам. Во-вторых, социализация может пониматься как существенный элемент социального взаимодействия. Это понимание основывается на предположении о том, что люди стремятся к возвышению в собственных глазах посредством достижения престижного статуса и одобрения со стороны других; при этом индивиды социализируются по мере приведения своих действий в соответствии с ожиданиями других” [1, с. 293].

В условиях примитивного способа производства общественной жизни социализация индивидов носила только естественный характер. Она предполагала освоение индивидом социальности, мера которой еще не была

упорядочена из-за примитивности связей между людьми, отсутствия общности символических значений. Развитие языка и письменности поставило возможности социализации на новую ступень, расширило границы транслируемых от поколения к поколению социально значимых символов, стереотипов поведения, обычаев, традиций. Практики социализации становились регулярными, приобретали устойчивость, получали объяснения в различных построениях языка, в обычаях, традициях, позже в текстах. В обществе постепенно сложилась совокупность правил воспроизводства социальной сущности человека, происходил процесс институционализации социальной нормы. А. И. Ковалева определяет социализационную норму как результат успешной социализации, позволяющей индивидам и обществу воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности и обеспечивать их дальнейшее развитие. “На индивидуальном уровне социализационная норма — это многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик. На уровне общества она представляет собой устоявшуюся совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению” [2, с. 109].

В современном обществе социализационные нормы трансформируются. Утрачивается или претерпевает коренные изменения общественный идеал, что ведет к обновлению идеального типа личности, как примера для всеобщего подражания или деформации такого образца. Пересматриваются нормативы жизнедеятельности людей, что определяет новые условия и механизмы социализации, становление новых социальных типов личности.

А. И. Ковалева выделяет следующие типы социализации: естественный, примитивный, сословный, стратификационный, единообразный, регламентированный, патерналистский, конформистский, гуманистический, моносоциокультурный, полисоциокультурный. В каждом обществе обнаруживается широкий спектр типов социализации с преобладанием того или иного типа” [3, с. 113]. В качестве другого классификационного критерия рассматривается содержание социализационного процесса, по которому можно различать такие типы социализации, как познавательная, профессиональная, правовая, политическая, трудовая, экономическая и др. Третий критерий, связанный с результативностью социализации, позволяет выделить разновидности успешной, нормативной, кризисной, отклоняющейся, принудительной, реабилитационной, преждевременной, ускоренной, запаздывающей социализации.

В современном обществе возникает новый тип социализации — виртуальной. Ее исходной точкой являются молодежные сообщества и киберпространство. Этот тип социализации объединяет воедино новые ее стороны: познавательную, профессиональную, правовую, политическую, трудовую, экономическую. Кроме того, виртуальная социализация включает, во-первых, освоение символики культурных кодов киберкультуры, во-вторых, интеграцию в ее социальную среду. Исходя из этого, процессом виртуальной социализации можно назвать освоение пользователями технологий межличностной коммуникации, социальной навигации и правил поведе-

ния в киберпространстве, а также соблюдение ими социальных норм, ценностей и ролевых требований, существующих как в конкретных виртуальных сетевых сообществах, так и в социальной реальности в целом.

Из многочисленных научных источников известно, что социализация обеспечивает непрерывный личностный рост человека. Она проходит успешно, если человек осваивает социальные роли, усваивает ценности, социальные нормы, стереотипы поведения, которые доминируют в данном обществе. Этот процесс протекает сложно и противоречиво, сопровождается кризисами. Общество и его социальные институты не реализуют сполна свои социализационные функции. В результате социализация не всегда бывает успешной.

При оценке противоречий и конфликтов процесса социализации в педагогической литературе возникновение молодежных субкультур связывается обычно с трудностями воспитания в семье, формами взаимодействия в школьном коллективе; психологи говорят о дезадаптации, т. е. неумении соответствовать требованиям социальной среды и как следствие — разладе с окружением, семьей, школой, обществом. [4, с. 131] Итоговые результаты обобщаются в терминах “дезадаптация”, “трудности социализации”. Эти различные эффекты “выпадения” молодых людей из социума интегрируются в категорию “маргинальности”.

В западной социологии аналогичные явления интерпретируются также в рамках концепций “кризиса социализации” или “конфликта поколений” (М. Мид, Дж. Старр, Ж. Мандель) “кризиса трудовой этики” и т. п. [5]. М. Мид, Дж. Старр, Ж. Мандель уверены в том, что причиной формирования молодежных движений и субкультур является нарушение тех или иных социальных связей, каналов коммуникации, составлявших основу социальной структуры. “Конфликт поколений” и “кризис социализации” означает нарушение диахронных связей, “кризис трудовой этики” (ценности труда как основы статуса и самоуважения) — синхронных. Трудовая этика, на которой долгое время строились отношения в обществе и общества со средой, является базисом формирования западной культуры. Молодежная культура, отвергая ее, выдвигает собственную систему ценностей: отказ от социальной активности, минимализация деятельности и даже потребления. За этим стоят реальные сдвиги в социальной структуре, характерные для постиндустриального общества.

К. Д. Келли обращает внимание на то, что в современном постиндустриальном обществе достаточно значительная часть населения вытесняется из рынка труда, поскольку высокий уровень благосостояния обеспечивается без обязательного поголовного участия всех в производстве. Первыми вытесняются, согласно Келли, женщины, расовые меньшинства и молодежь — именно они составляют базу наиболее многочисленных альтернативных движений и социальных образований [6].

Мнения относительно сущности маргинализации молодежи расходятся. В рамках концепций Т. Парсонса, Л. Фойера, В. Тэрнера и других исследователей она рассматривается как временное состояние, связанное с периодом перехода с одной социальной позиции на другую, утратой прежней

и поиском новой идентификации. Такое состояние наиболее характерно именно для молодых людей, сталкивающихся с необходимостью определить свое место в жизни. Предполагается, что с обретением определенного социального статуса (семейного, профессионального) человек покидает сферу субкультуры или контркультуры [7, с. 169 — 199].

Согласно Парсонсу, причина протеста молодежи и ее противостояния миру взрослых — нетерпеливое желание занять в социальной структуре места отцов; протест заканчивается встраиванием нового поколения в ту же структуру и, следовательно, ее воспроизводством. На наш взгляд, подобное понимание применимо к стабильным периодам жизни общества, когда социальная структура при смене поколений остается в целом той же, либо претерпевает небольшие изменения. В еще большей степени эта схема временной маргинальности, через которую проходит каждая когорта молодежи, применима к традиционным обществам, чья структура изменяется крайне медленными темпами. На материале подобных культур выстроена концепция лиминальности как временного состояния перехода и нахождения между социальных позиций.

В концепции М. Мид образование молодежных сообществ со своими альтернативными ценностями объясняется изменением самой социальной структуры [8]. Общество меняется настолько быстро, что взрослеющая молодежь приходит уже не в тот мир, к которому ее готовили в процессе социализации. Опыт старших не годится. Молодых готовили к занятию определенных позиций в социальной структуре, но она изменилась, и этих позиций в ней уже нет. Новое поколение ступает в пустоту или в виртуальное пространство. Не молодые люди выпадают из социальной структуры, а сама она ускользает у них из-под ног. Тогда и начинается бурный рост молодежных сообществ, отталкивающих от себя мир взрослых с его ненужным опытом. Они формируют альтернативную культуру, адекватно отражающую новые реалии и позволяющую жить в новых общественных условиях. Старшее поколение не столько передает молодежи собственные нормы и ценности, сколько ориентируется на молодежную культуру, как наиболее адекватную изменившимся условиям. В случае успешной адаптации к новым условиям происходит смена культурной парадигмы в рамках всего общества: ценности субкультуры и контркультуры “всплывают” и ложатся в основу его организации, становясь доминирующими. Прежние доминирующие ценности опускаются в подземный мир контркультур.

Можно заметить, что две концепции маргинализации молодежи не отвергают, а дополняют друг друга, описывая различные периоды жизни или состояния общества: стабильное, когда, пройдя через лиминальное состояние, молодежь в конце концов возвращается в лоно общепринятой культурной традиции (Т. Парсонс, В. Тэрнер), и переломное (М. Мид), когда она формирует новую культурную парадигму.

Т. Б. Щепанская отмечает, что “состояние общества некоторым образом влияет и на модель описания молодежной культуры. В стабильные периоды преобладают определения ее в терминах отрицания (контркультура, неформалы) или невидимости (андеграунд — подземелье). Подобная терминология

гия отражает социальную стратегию отторжения и изоляции молодежной культуры как “иного”, потенциально угрожающего явления” [9, с. 53].

Типологизировать молодежные субкультуры на Украине достаточно сложно, так как существующие в западной науке подходы к этой проблеме не могут быть использованы для украинских молодежных субкультур. Западные ученые исходили из опыта деятельности неформальной молодежи в условиях развитой демократии и стабильной экономики. Е. Якуба выделяет на постсоветском пространстве типы молодежных субкультур по ценностным ориентациям: романтико-эскапистские субкультуры (хиппи, толкиенисты, байкеры); гедонистически-развлекательные (мажоры, рейверы, реперы); криминальные субкультуры (гопники, урла); анархо-нигилистичные или радикально-деструктивные субкультуры (панки, металлисты, сатанисты); по историческому критерию: традиционные субкультуры, которые имеют долгую историю в стране (хиппи, панки, битломаны); новые субкультуры, которые появились в последние десятилетия (толкиенисты, униформисты, хакеры, киберпанки) [10, с. 130].

Поскольку культура сохраняет, транслирует этот опыт, передавая его от поколения к поколению, она также генерирует и новые программы деятельности, поведения и общения людей, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества. В соответствии с этим субкультура понимается как часть культуры или как часть программы или ее подпрограммы. Программа реализуется именно благодаря своим подпрограммам. Однако субкультура может выступать не только как средство реализации большой программы, но и как определенная альтернатива большой программы, целостная и вполне самостоятельная программа, которая может существовать как внутри программы, так и сама по себе, как своеобразный запасной вариант развития социокультурной системы. Именно эти отличительные признаки и задают автономность субкультуре. Н. А. Победа, оценивая соотношение “культуры” и “субкультуры”, культуру понимает как “способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда (системах ценностей, норм, традиций, деятельности специальных институтов); концентрированный в сферах общественной жизни и отраженный в специфическом сознании и поведении различных групп и общностей” [11, с. 205]. И вслед за этим — субкультура — как “автономное целостное образование внутри господствующей культуры, обладающее собственными институтами и характеризующее способ мышления и действия различных социальных групп” [12, с. 208].

Итак, культуру можно понимать как совокупность ментальных структур, присущих большинству общества, а субкультуру — как один из возможных культурных выборов. В то же время субкультура всегда представляет собой знаковую и нормативную систему, способную к самовоспроизводству. Развитие субкультуры определяется программой, регулирующей отношения с нормами культуры, часть которых принимается, а часть отвергается. Четкое размежевание культуры и субкультуры заключается в степени произвольности выбора таких программ. С точки зрения

выбора — приобщение к культуре происходит без согласия ребенка, тогда как приобщение к одной из субкультур подразумевает сознательное принятие решения индивида.

Марк Титтлей формулирует признаки или черты, по которым можно оценить процессуальную сторону субкультуры: “субкультурам свойственны суровые внутренние правила и меры, направленные на остракизацию, обеспечивающие их стабильность; субкультурам присущ структурированный процесс обучения, на протяжении которого кандидаты учатся, как стать членами субкультуры; субкультурам свойственен выразительный этап аутентичности, который создает настолько прочные общественные границы, что группу можно назвать субкультурой. Будущие члены субкультуры должны показать опытным членам, что они понимают альтернативные правила, что они — “свои”; субкультуры формируются около добровольных объединений; субкультуры создают свои субинтерпретации общественных норм — они или полностью отвергают их или немного изменяют, для того чтобы осмыслить способ жизнедеятельности своей субкультуры” [13, с. 123 — 124].

Подводя **итоги**, конкретизируем наше понимание субкультуры так, чтобы оно стало более операциональным. Оно производно от понятия культуры, но выражает некоторый альтернативный взгляд на повседневную социальную реальность.

Понимание субкультуры в качестве коммуникативной системы позволяет охватить не только знаки и символы, но и их социальный контекст для конкретных носителей сообществ, чтобы можно было сделать заключения о способах их взаимодействия.

Субкультура порождает некие сообщества, которые возникают и перестают существовать, внося свой вклад в копилку ее традиции. Выбрав в качестве объекта наблюдений киберкультуру, мы имеем перед собой надгрупповую общность, в рамках которой транслируется традиция, порождающая целый ряд молодежных движений самого разнообразного толка. Но все они, так или иначе, воспроизводят некий комплекс ценностей, создают свои символы, атрибутику, сленг, что позволит оценить значимость и иерархию отраженной реальности.

Киберкультура является разновидностью субкультуры, как более объемного социального образования, функционирующего в реальности социальной. Она ограничена не только виртуальной реальностью, преобладанием символических систем и игрового момента бытия, но и законами существования специфического пространства, возможностями субъектной манифестации — не действиями, а знаками.

Литература

1. Социологический словарь / Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.; пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. — М.: ОАО “Изд-во “Экономика”, 1999. — С. 293.
2. А. И. Ковалева Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. — 2003. — №1. — С. 109.
3. Там же. — С. 113.

4. Алмазов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. — Свердловск, 1986, Кон И. С. Психология ранней юности. — М., 1989. — С. 131.
5. Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Критический анализ (Инфантилизм как тип мирового восприятия и социальная болезнь). — М., 1980. — С. 111-132; Кон И. С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). — М., 1988. — С. 133-165; Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. — М., 1988. — С. 322-361
6. Kelly K. D. Youth, humanism and technology. London; New York, 1972.
7. Тэрнер В. Символ и ритуал. — М., 1983. — С. 169-199.
8. Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988.
9. Система: тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанская. — М.: ОГИ, 2004. — С. 53.
10. Якуба Е. Молодежные движения и их базовая типологизация // Незалежний культурологічний часопис "І". Покоління і молодіжні субкультури. — 2002. — №24. — С. 130.
11. Победа Н. А. Социология культуры. — Одесса: Астропринт, 1997. — С. 205.
12. Там же. — С. 208.
13. Титтлей М. Новый подход к теории молодежной субкультуры // Незалежний культурологічний часопис "І". Покоління і молодіжні субкультури. — 2002 — №24. — С. 123-124.

Є. Я. Прохоренко,

кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

СУБКУЛЬТУРА МОЛОДІЖНИХ СПІВТОВАРИСТВ — ЯК СПОСІБ СОЦІАЛІЗАЦІЇ

У сучасному суспільстві норми соціалізації трансформуються. Втрачається або зазнає корінних змін суспільний ідеал, що веде до оновлення ідеального типу особи, як прикладу для загального наслідування, або деформації такого зразка. Переглядаються нормативи життєдіяльності людей, що визначає нові умови і механізми соціалізації, становлення нових соціальних типів особи.

Ключові слова: соціалізація, субкультура, молодіжні співтовариства, комунікативна система, кіберкультура.

Y. Prokhorenko,

Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

SUBCULTURE OF YOUTH COMMUNITIES — AS A METHOD OF SOCIALIZATION

In modern society norms of socialization are transformed. Lost or suffers native changes public ideal, that conduces to the update of ideal type of personality, as an example for an universal imitation or deformation of such standard. The norms of vital functions of people are looked over, that determines new terms and mechanisms of socialization, becoming of new social types of personality.

Keywords: socialization, subculture, youth communities, communicative system, cyberculture.